

УДК 930 (470.64)

СРЕДНИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ Г. ВЛАДИКАВКАЗА: РЕВОЛЮЦИОНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ¹

Гапеева М.С., – аспирант

Северо-Осетинский государственный педагогический институт

В статье рассматриваются особенности социально-психологической трансформации массового сознания городского социума в условиях революции и гражданской войны в г. Владикавказе, являвшейся одной из характерных черт переходного периода.

The article considers the most important special features of social and psychological changes in mass consciousness of townspeople that have taken place in Vladikavkaz in conditions of the Revolution and the Civil War, process that was one of the characteristic features of that period.

В исследовании ментальных структур, не поддающихся точной фиксации и не являющихся «объективным историческим фактом» в позитивистском смысле, особую роль играют субъективные ощущения и переживания отдельных людей, формирующиеся под воздействием общей психологической атмосферы и, с другой стороны, эту атмосферу и создающие.

Революции 1917 года и последовавшие за ними события коренным образом изменили массовое сознание и психологию городского социума. Именно в это неповторимо сложное время великих свершений человеческая ментальность претерпела значительную трансформацию.

Городское население постоянно пребывало в состоянии неизвестности, так как доверие к правительственным и иным официальным средствам информации падает прямо пропорционально росту значения слухов. Местная газета писала, что «в городе распространяются самые нелепые слухи о всякого рода опасностях, грозящих городу, не имеющих под собою никакой твёрдой почвы, и

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-37102 а/Ю)

сеющих лишь в населении панику». [1] Улица становилась основным источником информации.

Именно там, на улицах, потерявшие чувство доверия к правительству и ущемлённые в своих чувствах национальной гордости граждане ищут выхода накопившимся эмоциям.

Объективная ситуация в городе способствовала распространению самых различных истерий и психозов, поэтому вполне закономерно, что на смену одним только-только растворившимся слухам тут же приходили другие. Связано это, прежде всего, с резким ростом преступности, ввиду побега большого количества заключённых из тюрем, с одной стороны, а с другой, - со слабостью новообразованных органов правопорядка - народной милиции. О большом количестве заключённых (46), обезоруживших караул, и бежавших из Владикавказской военной гауптвахты, сообщали местные газеты. [2]

Стихия бытовых страхов подчинила себе и сделала невозможным рациональное восприятие событий, в основу принятия решений ложится теперь общественный пример и групповой порыв, подчиняя сознание индивида психологии толпы.

По В.М. Бехтереву, всякая вообще толпа представляет собою сборище лиц, прежде не имевших друг с другом ничего общего и объединившихся по какому-либо внешнему поводу, возбуждающему одно и то же отношение у многих лиц. Толпа, образованная из собравшихся случайно, по зову, по тревоге, является грозной и разрушительной силой. Вошедший в толпу преобразается в варвара, хуже — в первобытное животное, в кривляющуюся обезьяну, кровожадную и похотливую. [3, 92]

Своеобразным подтверждением этому следует считать следующее сообщение в газете «Терский вестник»: «15 ноября 1917 года во Владикавказе до 300 человек явились на постоянный двор и стали расхищать находившуюся там мануфактуру, отправляемую в Тифлис.

Произошло настоящее разграбление». [4] Это особенно важно, так как произвели это «разграбление» не пресловутые абреки, не бежавшие из тюрем каторжники, не профессиональные преступники, а обыкновенные мирные обыватели, из которых, вероятно, большая часть считалась вполне честными и порядочными людьми.

Определяющие черты поведения толпы сводятся к следующим: навязчивое следование какой-то одной идее, резкая смена настроений при явной склонности к агрессии, восприимчивость к иррациональным, чувственным порывам и высокая роль примера большинства, которое отодвигает сознание индивида на третий план. Как нельзя лучше подготавливают почву для данной психологии всевозможного рода слухи.

Слухи являлись естественными спутниками революции, отражали характерную особенность революционизации повседневности.

Значение слухов в данный период велико ещё и потому, что обыватель не только черпал из них информацию, зачастую являвшуюся руководством к действию, но и само по себе распространение данного феномена приводило к определённому рода, психологическим изменениям. Разносясь толпой, он являлся в то же время проводником различных форм коллективного сознательного и бессознательного, заражающих и подчиняющих себе индивида. В природе многих форм коллективного революционного насилия лежал страх обывателя.

Слухи играли далеко не последнюю роль во всеобщем озлоблении. Рассказы о всевозможных жестокостях, убийствах передавались на улицах, рынках, печатались в газетах, основываясь на полуправде. В это время можно отметить рост хамского отношения к женщинам. Появляются частые случаи изнасилования.

Некоторые в заполнивших улицы толпах могут видеть лишь единение народа, игнорируя тот факт, что в большинстве случаев данное «единение» носило разрушительный характер. Тем не менее,

современники в своих мемуарах начинают писать о проявлениях животных, «зоологических инстинктов».

«Уничтожив именем пролетариата старые суды, - писал М. Горький, - народные комиссары этим самым укрепили в сознании «улицы» её право на «самосуд» - звериное право. Люди пользуются этим «правом» с явным сладострастием, с невероятной жестокостью. Уличные «самосуды» стали ежедневным «бытовым явлением», и каждый из них, - считал М. Горький,

«всё более и более расширяет, углубляет тупую, болезненную жестокость толпы. И нет сомнения, что избьют всякого, кто решится протестовать против «самосуда» толпы». [5, 102]

Нетерпение толпы достигло в это время такой точки, что даже за самые незначительные проступки, а зачастую и вовсе не проступки, она грозила самосудом. Так, владикавказцы угрожали самосудом городским фонарщикам за то, что они рано тушат фонари, а иногда и вовсе не зажигают, «между тем, как такие явления случаются лишь по приказанию управы». Исполнительный комитет даже просил снабдить фонарщиков по этому поводу револьверами. [6]

Апатия и психологическая подавленность становятся главными характеристиками состояния обывателей. Почувствовать подавленность горожан в связи с крахом всех иллюзий насчёт новой Свободной жизни и с рождением различных форм социального противостояния, принимавших откровенно криминальный облик, может помочь следующее описание каждодневного быта простого городского жителя: «Днём боязливый по улицам бег обывателя, слухи, толки, пересуды, мистический ужас перед то и дело въезжающими и выезжающими в город и из города вооруженными всадниками ингушами, к вечеру пустынные улицы, жуткая тишь и первое, трепетное ожидание гражданами чего-то неминуемого, дерзкого, ночью - дикая вакханалия винтовок, пулемётов, треск взламываемых дверей,

мрачный вид «их», бледная беспомощность и слёзы «этих», быстрый грохот, залпы, залпы и залпы, кровь в домах, лужи крови на улицах; на утро – прокламации правительства, за подписью нового председателя каждый раз «всё спокойно, не тревожьтесь». [7,8]

Наряду со стихийными настроениями апатии и уныния, развивались и настроения анархической стихийности. Эти настроения были порождены самой обстановкой внутри страны, различными политическими, социальными, экономическими противоречиями. «В мелкокрестьянской стране, - писал В.И. Ленин, - только год тому назад освободившейся от Керенских, осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающим всякую долгую войну, создалось немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления...». [8, 174]

Массовые грабежи продолжали оставаться распространёнными формами погромного движения в городе. Говоря о грабежах, мы подразумеваем не индивидуально-уголовные преступления, а массово-погромное расхищение господского и казённого добра, свойственное российскому провинциальному бунтарству. Идеи социального реванша всё глубже овладевали обездоленными и озлобленными низами, находя поддержку и прикрытие в антибуржуазных лозунгах революции. Из социальных глубин общества всё более произрастала и захватывала массовое сознание психология всеобщего дележа, психология шариковых. После октября 1917 года такое расхищение благодаря мгновенному усвоению многими слоями городского населения и солдатами большевистских лозунгов к экспроприации экспроприантов, в том числе и печально знаменитого ленинского лозунга «Грабь награбленное!», трансформировалось в настоящую эпидемию, охватывавшую один город за другим, в том числе и Владикавказ.

О том, как происходило это здесь, писал полковник Беликов, назначенный в 1918 году начальником гарнизона города: «Грабежи

осетин... господа! Грабежи в том или ином виде, естественное следствие всякой войны, каковы бы войска не были. Необходимое и очень печальное последствие. А во Владикавказ приезжали осетины из селений и расхищали большевистские, весьма богатые склады; расхищали добро врага, а не грабили. Если же было много крика, то потому, что одни сами хотели бы воспользоваться этими колоссальными богатствами, другие кричали, слыша, как кричат кругом; третьи занимались провокацией...». [9, 122] Городской лесничий сообщал Городской управе, что «жителями осетинской слободки расхищается имущество Сопицкой будки». [10]

«Октябрь» для Владикавказа начался несколько позже, в январе 1918 года, когда, в ответ на медлительность Думы, в городе вспыхнули грабежи. Помимо частных домов, грабились склады, пакгаузы, товарная станция и пр. Были случаи, когда людей раздевали на улице среди белого дня. [11, 20]

Чтобы представить себе весь масштаб массовых грабежей и хищений, обратимся к следующему факту: «За время так называемых январских грабежей был ограблен вокзал, товарная станция (всё это было подожжено), был ограблен военный продовольственный магазин на Курской слободке, было вывезено несколько десятков вагонов сахара, муки, крупы и всякого другого складского имущества» [12, 19] - и это только за один месяц!

В газете «Горская жизнь» было помещено телеграфное сообщение Терскому Областному исполнительному комитету о том, что в «городе Владикавказе началось погромное движение, руководимое тёмными элементами. Толпа бесчинствует, пытается громить магазины и совершает самовольно обыски квартир, грозит расправой местным продовольственным органам». [13]

В 1917 году практически не было фактов стрельбы в погромщиков «на поражение» и никаких жертв при усмирении погромов. Положение резко изменилось весной 1918 года: бунтарские выступления стали

характеризоваться в этот период как сугубо «контрреволюционные».
[14, 47]

Эмиль Дюркгейм в регуляции жизни людей важнейшую роль отводил социальным ценностям и нормам. Нормы управляют поведением, считал он. Именно их разрушение в первую очередь вызывает общественную дезорганизацию, нарушение коллективного порядка. В это время «общество оказывается временно неспособным проявить нужное воздействие на человека. Никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что несправедливо, нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами, а потому все считают себя вправе претендовать на всё». [15, 124]

В психологической трансформации городского социума немалую, а, возможно, и весьма существенную роль, сыграло увеличение потребления алкоголя. Необходимо остановиться на специфически российской проблеме: влияние алкогольной интоксикации на психическое состояние и действия людей, совершавших бесчеловечные насилия по отношению к себе подобным. «Опыт судебно-психиатрической практики показывает, - пишут авторы медицинского руководства, - что нет ни одного вида преступлений, в провоцировании которых алкоголю не принадлежала бы большая, а нередко и ведущая роль». [16, 286]

После революции практически всякие ограничения в сфере потребления спиртных напитков (имеется в виду существовавший в России с 1914 года запрет на продажу крепких спиртных напитков) перестали существовать. Значительная часть революционных акций совершалась либо с целью завладеть спиртным, либо под воздействием алкогольных паров, и может классифицироваться не иначе как пьяные погромы. [17, 50] Таким образом, «алкогольная свобода» стала одним из важнейших стимуляторов общественной активности социальных низов, непременным условием сохранения революционной стихии, приобретающей криминальный характер.

Не надо думать, что потребление алкоголя резко возросло только лишь после революции. Ещё царских слуг беспокоила увеличивающаяся с каждым днём выгонка араки в Терской области. Уже к 1 января 1917 года недоимки только по Владикавказскому округу достигли 240 тысяч рублей. [18]

Пьяные погромы 1917 года были, прежде всего, проявлением разбуженных социальных инстинктов, примитивно-плебейского понимания свободы как возможности вволю попить-погулять. Сказывалась и низкая политическая культура народа.

Особо наглядной была реакция провинции, куда известия о событиях в столице доходили зачастую искажёнными и вызывали неадекватные действия. В ряде городов просто невозможно разграничить политическую и анархическую стороны в массовых волнениях. К тому же главными фигурами здесь были солдаты местных гарнизонов. Уставшие от безделья и праздной жизни, они стали сущим наказанием для властей и почтенных обывателей.

Г. Цаголов замечал на страницах газет, что «это, наконец, начинает надоедать». Он говорил «о тех безобразиях, которые чинят у нас солдаты в последнее время, чуть ли, не ежедневно. Бродят толпами по улицам, затрагивая публику. Пристают к проходящим женщинам с разными «любезностями». В пьяном виде устраивают на улицах дебоши». [19]

После такого начала советская власть встала в оцепенении перед вопросом о производстве и потреблении спиртных напитков, не решаясь ни подтвердить, ни отменить сухой закон 1914 года. Только 19 декабря 1919 года вышло довольно либеральное постановление Совнаркома о запрещении производства и продажи спиртов и крепких напитков, а также не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ. Постановление поколебало «сухой закон» разрешением свободной продажи виноградных вин и прочих напитков крепостью не выше 12 градусов.

Во Владикавказе так либеральничать не стали. Ещё в 1917 году вышло «Обязательное постановление по борьбе с пьянством в городе Владикавказе», по которому воспрещалась на территории города и его земель торговля и приобретение всякого рода спиртных напитков свыше 1,5 градуса содержания алкоголя как в местах продажи, так и у частных лиц. [20] А съезд уполномоченных от населения Владикавказского округа вообще признал необходимым приравнять продажу араки к воровству и применить к продавцам те же меры, что и к ворам. [21,7]

Так жил в те дни Владикавказ, «взбудораженный, очумелый от негладных событий». [22, 109]

Таким образом, в процессе революции обыватель, в конце концов, оказался в рабстве уличной молвы, которая начинает постепенно занимать всё более заметное место в складывании общественного мнения. Став ещё в канун революции наиболее доступным и революционно-актуальным источником информации, слухи усиливают стихийные, иррациональные процессы русской революции, внося в психологию обывателей страх и ненависть, а затем растерянность и апатию, превращая единые порывы народного воодушевления, сплочения первых недель революции в навсегда канувшую в прошлое мечту.

Список литературных источников

- ¹ Вольный горец. 1920. 26 января.
- ² Кавказский край. 1919. 24 августа.
- ³ Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: «Наука», 1994. С.92.
- ⁴ Терский вестник. 1917. 18 ноября.
- ⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. Записки о революции и культуре. М.: «Советский писатель», 1990. С. 102. ⁶ Горская жизнь. 1917. 9 декабря.
- ⁷ Архив СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 89. Л. 8.
- ⁸ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 174.
- ⁹ Мемуары полковника Беликова (Владикавказ 1918 г.) // Дарьял. 1992. № 4. С. 122.
- ¹⁰ Горская жизнь. 1918. 5 января.
- ¹¹ Архив СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
- ¹² ЦГА РСФСР - А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 6. Л. 19.
- ¹³ Горская жизнь. 1917. 1 октября.

- ¹⁴Телицын В.Л. Феномен провинциального бунтарства // Преподавание истории в школе. 2001. №2. С. 47.
- ¹⁵ Цит. по: Кудрявцева Л.А. Ловушка общественного сознания // Социс. 2003. № 6. С. 124.
- ¹⁶Лисицын Ю.Л., Сидоров П.И. Алкоголизм (медико-социальные аспекты). М: Медицина, 1990. С. 286.
- ¹⁷Рынков В. Водка казённая, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 50.
- ¹⁸ Кондаков А. Гроза надвигается... // Социалистическая Осетия. 1967. 29 января.
- ¹⁹Горская жизнь. 1917. 26 августа.
- ²⁰Терский вестник. 1917. 7 июля.
- ²¹ЦГА РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1.Д. 34. Л. 7.
- ²²История Северной Осетии. XX век / Под ред. А.С. Дзасохова. М.: Наука, 2003. С. 109.

М.С. Гапеева